

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ

основатель Харьковскаго университета.

1803.

Въ 1873-мъ году Харьковскій университетъ, празднуя семидесяти-лѣтній свой юбилей, совпавшій съ столѣтіемъ, прошедшимъ со дня рожденія виновника его существованія въ Харьковѣ, Василя Назаровича Каразина, предположилъ почтить послѣдняго, вещественнымъ знавомъ своей признательности — постановкой ему памятника передъ зданіемъ университета. Не имѣя, однакожь, свободныхъ суммъ, правленіе университета рѣшило прибѣгнуть въ общей на этотъ предметъ подпискѣ, при чемъ, желая, чтобы жители Харьковской губерніи первые откликнулись на его заявленіе, отнеслось въ городскую думу, въ дворянское депутатское собраніе и въ губернскую земскую управу съ вопросомъ: пожелаютъ-ли они принять участіе въ подпискѣ? Въ концѣ минувшаго года нѣкоторыя изъ газетъ извѣстили, что харьковское губернское земское собраніе не только изявило готовность участвовать въ подпискѣ, но и ассигновало изъ своихъ суммъ на памятникъ Каразину 5,000 р. и на стипендію, имени его, въ университетѣ, 6,000 р. Харьковская городская дума и дворянское депутатское собраніе выразили также полную готовность участвовать въ подпискѣ. Ожидается теперь только разрѣшенія на это высшаго начальства.

Считаю не безынтереснымъ для общества знать нѣкоторыя подробности учрежденія въ Харьковѣ университета — единственнаго въ Россіи начатаго на общественныя суммы, — я представляю на страницахъ «Русской Старины» нѣсколько воспоминаній о томъ, что я слышалъ объ этомъ предметѣ какъ отъ самого

В. Н. Каразина († 1842 г.), такъ и отъ другихъ харьковскихъ старожиловъ.

Не безъизвѣстно уже, что Каразинъ, въ началѣ царствованія Александра I-го, пользовался особеннымъ благоволеніемъ императора, поводомъ къ чему послужила записка, въ которой излагались надежды русскаго на юнаго монарха. ¹⁾ В. Н. Каразинъ такъ рассказывалъ мнѣ про незабвенныя для него минуты, когда онъ позванъ былъ въ первый разъ къ императору. «Когда я вошелъ въ кабинетъ государя, онъ держалъ въ рукахъ мою записку (она была анонимная). Взглянувъ на меня и поздоровавшись движеніемъ головы, онъ спросилъ: «вы написали это?» Я отвѣчалъ: «виноватъ, государь!..» И хотѣлъ продолжать извиненіе, но онъ не далъ мнѣ кончить и сказалъ: «Не только не виноваты, но, напротивъ, вы доставили мнѣ большое удовольствіе. Я желалъ бы имѣть побольше людей, которые бы такъ думали, какъ вы, и говорили мнѣ такую правду»,—и выговоривъ эти слова, подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку съ чувствомъ, обнялъ, и прибавилъ: «продолжайте всегда говорить со мною такъ откровенно». Я не помнилъ себя отъ восторга, бросился къ нему въ ноги, обнялъ его колѣни и, рыдая, проговорилъ: «клянусь, государь, никогда не скрывать правды передъ вами...» Вслѣдъ затѣмъ его величество, указавъ мнѣ на стулъ у его письменнаго стола, сказалъ: «садитесь, мнѣ нужно побесѣдовать съ вами: вы коснулись въ вашей бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать съ чего начать работу». Оправившись отъ внутренняго волненія, я отвѣчалъ: «конечно, ваше величество, съ образованія народнаго». Онъ возразилъ, что по этому предмету императрица Екатерина сдѣлала уже такъ много, что остается только продолжать начатое ею. Я осмѣлился замѣтить, что у насъ нѣтъ еще отдѣльнаго вѣдомства, которое бы самостоятельно могло распоряжаться столь важною частію государственной жизни, и что мнѣ кажется необходимымъ привести въ исполненіе ту мысль, которая изложена въ запискѣ моей относительно представленія воспитанія народнаго сословію «блюстителю законовъ». Разговоръ объ этомъ продолжался довольно долго и на-

¹⁾ Записка эта напечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ IV-й, стр. 68—76, къ сожалѣнію съ нѣкоторыми пропусками, впрочемъ, не отъ редакціи завясывшими.

конецъ государь, вставъ и отпуская меня, выразилъ желаніе, чтобъ я обработалъ подробнѣе мысль мою о народномъ образованіи.

В. Н. Каразинъ поспѣшилъ исполнить высочайшую волю: представилъ записку въ цѣлую тетрадь о народномъ воспитаніи. Но въ послѣдствіи государю угодно было учредить министерства и повелѣно было Каразину измѣнить его проектъ, что и было приведено въ исполненіе Каразинимъ, назвавшимъ вновь проектированное вѣдомство «Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія». Какую важность придавалъ онъ этому министерству, можно видѣть изъ письма его къ доктору Реману, 1810 года.¹⁾ На дѣлѣ оказалось, увы! не совсѣмъ такъ: въ указѣ отъ 24-го января 1803 г. оно поставлено послѣднимъ!.. Каразинъ переставалъ уже, въ то время, пользоваться прежнимъ высочайшимъ благоволеніемъ! Предначертанныя имъ министерство и «Правила Народнаго образованія» были, однакожъ, утверждены, и онъ радовался. Его назначили правителемъ дѣлъ въ новомъ «Главномъ Правленіи Училищъ», которое, подѣ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, графа Петра Завадовскаго, и имѣя членами Петра Свистунова, Михаила Муравьева, Адама Чарторьскаго, Северина Потоцкаго, Николая Новосильцева, Степана Румовскаго, Николая Озерецковскаго и Николая Фуса, сдѣлалось средоточіемъ всѣхъ министерскихъ распоряженій.

Но я хотѣлъ говорить о Харьковскомъ университетѣ, а говорю о министерствѣ. Возвращаюсь къ университету.

Въ апогеѣ царской къ нему довѣренности, до учрежденія министерствъ, Каразинъ, желая доказать его величеству, что провинціи наши вполнѣ сочувствуютъ благодѣтельнымъ его заботамъ о народномъ образованіи, отпросился въ отпускъ на родину свою, Слободско-Украинскую губернію, подѣ предлогомъ домашнихъ своихъ надобностей, и тамъ, собравъ дворянъ и горожанъ, до которыхъ дошелъ уже слухъ о царскомъ къ нему благоволеніи, выразилъ предъ ними мысль о пользѣ учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища и нашелъ въ нихъ совершенную готовность къ приведенію этой мысли въ исполненіе. Но она оста-

¹⁾ Письмо это сообщено намъ, въ числѣ прочихъ бумагъ В. Н. Каразина, достоуважаемымъ его сыномъ, Филаделфомъ Васильевичемъ, и будетъ напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 года.

лась на тотъ разъ утвержденною только въ принципѣ, подробности же предоставили ему выработать впоследствии. Онъ уѣхалъ изъ Харькова только съ увѣренностію, что встрѣтилъ не бесплодную почву для сѣянiя просвѣщенiя народнаго. Дорогой, онъ успѣлъ обдумать планъ высшаго училища и предположилъ его въ грандіозныхъ размѣрахъ, не принимая въ расчетъ мѣры щедрости жертвователей. Онъ мечталъ объ училищѣ, достойномъ названiя всеобъемлющаго (университета); думалъ, что желающіе въ немъ образовываться будутъ считаться не десятками, не сотнями, а тысячами; что весь югъ Россіи будетъ имъ пользоваться, что наконецъ сама Греція станетъ посылать въ него своихъ любознательныхъ сыновъ и, такимъ образомъ, Россія воздастъ ей наконецъ за тотъ свѣтъ, которымъ она озарила ее тысячу лѣтъ назадъ, познакомивъ съ ученіемъ Христовымъ. Съ такими мыслями онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, при первой аудіенціи у императора, рѣшился доложить, что украинцы хотятъ учредить у себя университетъ, который былъ бы достоинъ его августѣйшаго покровительства. Государь изволилъ выразить полное одобреніе и совершенное свое удовольствіе. Тогда только Каразину представилась мысль: а что если Украинцы поскупятъ и не дадутъ средствъ на учрежденіе такого громаднаго, всеобъемлющаго училища, о которомъ онъ мечталъ и уже доложилъ государю?!.. И дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Страхъ его продолжался не мало времени, пока наконецъ нашелъ онъ случай отправиться вновь въ Харьковъ для рѣшенiя своего «быть», или «не быть?» Имѣлъ онъ, правда, въ рукахъ нѣкоторое ручательство въ томъ, что Украинцы, изъ одной уже благодарности, согласятся на значительныя пожертвованiя на университетъ, потому что онъ везъ имъ высочайшее разрѣшеніе на ихъ просьбу о продленіи нѣкоторыхъ льготъ, которыми пользовалась Малороссія,—льготъ довольно важныхъ, относившихся до ея внутренняго благосостоянiя; но могло легко случиться, какъ и бываетъ часто, что, получивъ желанное, окажутся равнодушными въ будущемъ, въ туманѣ еще представляющимся пользамъ, и тогда... adieu mon plaisir! Посыпятся на него укоры со всѣхъ сторонъ за поспѣшность, съ какою онъ дерзнулъ увѣрить монарха въ готовности ихъ на большія денежные жертвы, и онъ долженъ будетъ со срамомъ возвратиться въ Петербургъ! Въ такихъ скорбныхъ мысляхъ пріѣхалъ онъ на

родину. Но тутъ, переговоривши предварительно съ нѣкоторыми харьковскими дворянами и купцами, онъ имѣлъ утѣшеніе услышать отъ нихъ обнадеженія въ готовности на значительныя пожертвованія и даже въ одномъ частномъ собраніи дворянъ, 20-го августа 1803 года, одобрено было его предначертаніе университета и состоялась подписка на сто тысячъ рублей сер. Но предстоило еще окончательное рѣшеніе этого предначертанія на общемъ собраніи, назначавшимся на 31-е августа. Къ этому дню онъ приготовилъ слѣдующую рѣчь, которую и произнесъ предъ всѣми рѣшителями его судьбы:

«Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О, ежели бы я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею.

«Пріятно возвращеніе въ свою отчизну: и дымъ отечества сладокъ!—Если дикій Гренландецъ, не бывъ прельщенъ цвѣтущими полями Европы, ни великолѣпными ея зданіями, ни блескомъ роскоши, съ восторгомъ лобызаетъ замерзшій морской берегъ, который есть его отечество; ежели жестокость природы не могла его отвратить отъ климата, его воспитавшаго, то каково должно быть удовольствіе челоуѣка, возвратившагося подъ благотворный небосклонъ, который былъ свидѣтелемъ игръ и утѣхъ его дѣтства, исторгнувшася изъ шума столицъ, коего мирное его сердце всегда ужасалось, въ страну, которую привыкъ онъ почитать эдемомъ — обиталищемъ невинности и дружбы и споконія? ...Таковы были мои чувствованія, милостивые государи, таковы бывають онѣ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены онѣ обстоятельствами нынѣшняго времени! Я имѣю счастье быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнаѣшаго изъ монарховъ. Мнѣ позволено сказать его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ ему; что онъ, съ свойственною ангельской душѣ его милостію, ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ ему, обѣтовъ государству. Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ приѣмомъ,

котораго вы меня удостоили въ первое собраніе, когда я представилъ вамъ предначертаніе того учрежденія, коимъ вы хотите украсить свою страну—отличить ее въ пространной Россіи. Позвольте, м. г., изъявить вамъ глубочайшую и совершенную мою благодарность. Не увѣраю васъ, что умѣю ее чувствовать и цѣнить ваше благоволеніе. Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ. Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности; ибо чувствованія, признаться должно, ослабѣвають по мѣрѣ обширности предметовъ. По слабости человѣческой природы ищутъ онѣ стѣснить кругъ, который обнять имъ должно. Сверхъ того, кто я, чтобы смѣть мнѣ вообразить, будто дѣятельность моя когда-либо можетъ имѣть примѣтное вліяніе на все обширное мое отечество? Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполнинской Россіи. Такъ, м. г., я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство вязности и просвѣщеніе. Она можетъ быть для Россіи то, что древніе Аѣины для Греціи. Мѣстное положеніе дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній—сіе богатство, котораго, по недостатку водяныхъ путей, не можемъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, — призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единомысленцевъ нашихъ: въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, удобенъ прельстить самыхъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода: науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ вспомнятъ священную для нихъ Грецію, которая начально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ; онѣ въ забвеніи восторга скажутъ: «Греція, отечество наше, намъ возвращена!» Я полагаю, м. г., что отъ насъ имперія бу-

дети заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и нравахъ; что мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными со-вмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія, что отъ насъ изыдутъ витии, стихотворцы прославить добродѣтель и благословенное княжѣшнее правленіе; что мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; что мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе въ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; что ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться. Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ и зависящіе отъ него: наполнить ихъ всѣми утѣхами, свойственными просвѣщенному обществу; что богатства всѣхъ краевъ Россіи польются къ намъ рѣкою; что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное прибѣжище; что мы прославимся въ единоземцахъ, друзьяхъ, чадахъ нашихъ; что мы покажемъ собою примѣръ, который воспламенитъ къ подражанію; что благодарность, — должная дань сердецъ нашихъ высокому нашему благотворителю, — воздвигнетъ памятникъ, несравненно тверже мрамора и мѣди, — памятникъ свѣтозарный, на который всегда съ признательнымъ удивленіемъ будетъ взирать потомство. Благодарность, — сіе чувство, предметъ моего слова, — обязываетъ насъ къ засвидѣтельствуванію ея предъ лицомъ свѣта. И чѣмъ можемъ мы достойнѣе воздать оную ангелу щедротъ и милостей, который нынѣ владѣетъ нами? Самъ онъ въ нѣкоторой части пожертвовалъ намъ возвращеніемъ правъ, которыя время начало уже заглаждать, — которыхъ паденіе въ пользу сокровищъ его столько разъ было близко. И мы-ли не вознаградимъ его? Мы-ли дадимъ поводъ всей сѣверной Россіи возопить: «неблагодарные! свудны поля наши; мразъ воспрещаетъ у насъ произрастать плодамъ Цереры; въ потѣ лица денноночно трудясь, приносимъ мы государству дань, отъ которой вы свободны, — и вы, которыхъ лелѣетъ природа; вы, которымъ даетъ она всѣ средства превзойти насъ, — вы не хотите и сравняться съ нами; вы отрицаетесь воспользоваться счастливымъ вашимъ положеніемъ, драгоценнѣйшимъ взоромъ монарха, обращеннымъ на васъ вниманіемъ столицъ, кои, внявъ намѣренію вашему, ожидали событія!»

«Простите, м. г., дерзновеніе мое: самыя сіи мысли, подерѣ-
 ленныя убѣжденіями, занятыми отъ надежды, которую я имѣлъ
 на благородное наше общество, обнаружилъ я и предъ августѣй-
 шимъ монархомъ. Исполнители его челоуѣволюбивыхъ и мудрыхъ
 велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украину
 средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопре-
 дѣльныя губерніи. Высокопочтенное собраніе! неужели обвините
 вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моея питалъ я
 о странѣ нашей? неужели найдете вину мою въ смѣломъ изъ-
 ясненіи готовности благонамѣреннаго, всегда усердіемъ отличав-
 шагося, сословія, въ кругу котораго имѣю честь говорить теперь?
 Воля ваша, изображенная въ отзывахъ, которыхъ я былъ удо-
 стоенъ, не должна-ли была уполномочить меня дѣйствовать предъ-
 варительно? Не долженъ-ли я былъ съ удостовѣреніемъ предстать
 предъ отцевъ семейства, когда я имъ сказать могъ, что желаніе
 благотворительнѣйшаго монарха сходствуетъ съ ихъ желаніемъ,
 предъ друзей своего края, чувствующихъ въ полной мѣрѣ все
 его достоинство? Представляю-ли вамъ еще, что я не имѣлъ въ
 виду ничего, кромѣ блага отечественнаго и выгодъ нашей земли,
 кромѣ славы благороднаго сего общества предъ лицомъ просвѣ-
 щеннѣйшаго изъ владыкъ земныхъ, поставившаго просвѣщеніе
 народа одною изъ первыхъ своихъ обязанностей, славы въ очахъ
 пространной Россіи, въ очахъ Европы цѣлой, которая должна
 свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство Сло-
 бодской губерніи! Представляю-ли вамъ, что я не столько низко
 въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому
 моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, въ которой
 я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество?

«Отъ васъ зависитъ теперь, высокопочтенное собраніе, оправ-
 дать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ
 вами въ лицѣ вашего друга или преступника».

Едва ораторъ произнесъ послѣднія слова, какъ со всѣхъ
 сторонъ послышались восклицанія: «друга! друга!» и бросились
 его обнимать. Тутъ же рѣшено было внести изъ дворянскихъ
 имѣній четыреста тысячъ рублей, о чемъ и составилъ протоколъ.
 1-го сентября 1803 г. протоколъ этотъ былъ подписанъ. Впо-
 слѣдствіи сумма была дополнена еще частными подписками со

стороны купцовъ и мѣщанъ и составила всего 618 т. руб. сер. Вотъ содержаніе протокола дворянскаго (купеческій подписанъ былъ особо):

«Слободско-украинское дворянство, исполненное чувства вѣрно-подданической благодарности къ его императорскому величеству, увѣрено бывъ, что оно ничѣмъ достойнѣе и торжественнѣе изъяснить оную не можетъ, какъ ревнуя содѣйствовать мудрому и человеколюбивому его промыслу о народѣ своемъ, подобному промыслу Всевышняго; дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди природнаго изобилія, на представляемыя имъ удобства къ заведеніямъ разнаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе, и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліяніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, опредѣлено увѣковѣчить неопцннима къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ. Сей университетъ долженъ вмѣщать въ себѣ девять отдѣленій, какъ-то: отдѣленіе общихъ познаній, которое есть приуготовительное къ прочимъ, и соединенное съ нимъ отдѣленіе пріятныхъ искусствъ, отдѣленіе богословское, отдѣленіе гражданскихъ познаній, разумѣя въ томъ числѣ экономію и комерцію, отдѣленіе военныхъ познаній, отдѣленіе врачебныхъ познаній, отдѣленіе гражданскихъ искусствъ, отдѣленіе высшихъ наукъ и отдѣленіе изящныхъ художествъ. Такимъ образомъ всѣ роды познаній соединены быть имѣютъ въ семъ высшемъ училищѣ, и слѣдовательно будетъ оно готовить людей по всѣмъ родамъ государственнаго и общественнаго служенія. Оно должно имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ и двѣ школы для людей низшихъ состояній: именно же школу сельскаго домоводства и школу ремеслъ и рукодѣлій. Какъ расположеніе сихъ школъ, такъ и вообще образованіе плановъ университета, сходственно предначертанію, представленному 20-го августа, вѣрено будетъ комисіи университета, которая составитъ, немедленно по избранію дворянства, на первой случай изъ трехъ членовъ. Для положенія основанія сему университету и во обезпечиваніе содержанія его навсегда, слободско-украинское дворянство полагаетъ внести, изъ дворянскихъ имѣній сей губерніи, четыреста тысячъ рублей, разумѣя въ семъ числѣ опредѣленную уже ко взносу и частію собранную сумму

сто тысячъ рублей, расположивъ остальные триста тысячъ рублей (въ числѣ коихъ шестьдесятъ шесть тысячъ девятьсотъ рублей) должны почитаться принадлежащими къ наличнымъ на шесть лѣтъ».

Восторгу В. Н. Каразина не было предѣловъ; это были счастливѣйшія минуты въ его жизни. Но вскорѣ радость его превратилась въ горе, причиною которой былъ, отчасти, тотъ же Харьковскій университетъ.

Воспитанникъ Харьковскаго Университета
1820-хъ гг.

(Продолженіе слѣдуетъ).